

Горпина

I

Женил старый Якименко сына, да такую себе невесточку взял, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Белолицая, красивая и веселая, а уж резвая, словно зайчик. И в хате хлопочет, и на дворе, и хозяйничает, и поет, и смеется, — далеко-далеко звенит ее голосочек. Чуть день забрезжит, а уж она и пробудилась, что пташка ранняя, уж и бегаёт, и суетится. И свекру угодит, услужит, и мужа приголубит, и дело у ней не стоит; глядишь — все уж сделано.

Живут они с мужем счастливо, согласно, любовно. Старый свекор, на них глядя, только господа милосердного благодарит.

Одно только и печалило их: деток господь не посылал. Попадется бывало Горпине где чужое дитя — уж она целует его, целует, ласкает, а сама вздохнет тяжело.

Вот и послал им господь милость: родилась у них девочка. Лелеет да нянчит Горпина своего первенчика; с рук его не спускает; только пробудится дитя, только пошевелинется — Горпина уж тут как тут, около люльки, и крестит его, и целует, и качает, и поет над ним. На панцину ее погонят — Горпина дитя с собой унесет, где-нибудь около себя поместит, сама работает и глаз не сводит с своего ребенка.

Бывало молодицы и смеются:

— Чтó, — говорят, — ваша дочка, Горпина?

А она и начнет:

— Уж усмехается, сестрицы голубушки, и ручки ко мне протягивает; уж знает меня, ни к кому и не идет, кроме меня. Свекор бубликом ее приманивал — не пошла к нему! и в ладошки уже бьет. Я выйду из хаты да и смотрю из-за дверей, а она водит-водит глазенками — меня ищет!

— Разумница, разумница! — говорят Горпине молодицы. — Готовь только рушники да приданое: скоро ее сватать будут.

А девочка взаправду словно цветочек распускается. Такое славное было дитяtko, веселое и здоровенькое — на диво!

II

О ту пору помер наш старый пан; стал молодой хозяйничать. И старик недобрый был, а уж этот такой вышел лютой, что сохрани господи! Людей гоняет пуще волов. Три дня на панщине мы отбываем, четвертый день идет за подушное, а там на пятницу да на субботу какие-то *толочные уроки* выдумали. А какая это там толока? Не только обеда — хлеба не дают. День в день работаем. Прежде мы всё чаяли: молодой пан будет милостивый, добрый. Вот и дождались доброго!

Был он не очень богат, а жить тоже ему хотелось роскошно, пышно, по-барски. Люди бывало на работе с устали падают, а ему что? Заведет себе коней таких, что твои змеи, а не то — коляску новую купит да в город поедет, да и протратится там.

Говорят нам бывало соседние панки (они часто речь заводят с чужими людьми, а своих бьют не хуже великих господ: лишь бы рука достала), говорят они: «Очень уж добр пан у вас теперь: так, говорит, что беда! Что мужика учить надо наукам всяким и жалеть его следует, как брата родного, и невесть что! Уж очень премудро его выучили!»

И точно — он сперва говорил, что я-де и хаты вам новые поставлю, в три окошка; а потом вышло так, что и старые-то развалились. Может быть, его точ-

по добру учили, да, знать, панскую природу не переделаешь.

Все село приуныло; такие печальные ходят все, что глянуть на них — тоска разбирает.

Только Горпина немножко веселей других: утешается дочкою малою и про мирское горе забывает. Да не минуло и ее горе.

Захворала у ней дочка, кричит, плачет. Горпина и сама плачет над нею, да нечем пособить. Бегал старый свекор к лекарке — не нашел ее дома, да и молодниц-то никого не было: все на панщину ушли. Наконец и за Горпиною пришли, спрашивают:

— Отчего не идешь на работу?

— У меня дитя большое, — говорит она, а сама плачет.

— Пану работа нужна, а до твоего ребенка какое ему дело?

Надо идти, нечего делать. Взяла она свое дитя, закутала, да и побрела. Дитя бедненькое кричит да кричит. Стала Горпина подходить, а навстречу ей сам пан, да такой гневный, оборони мать божья! Стал он Горпину словами обижать, а дитя на руках у ней так и бьется — кричит. Пан и пуце разгневался:

— Прочь дитя! Прочь! Работать надо, а не с детьми возиться!

И велел десятнику отнести дитя домой.

— Ой, паночку, голубчику, — молит его со слезами Горпина, — хоть мне самой отнести ее позвольте! Паночку мой, будьте милостивы! Это мое дитя, мое единое дитя!

— Неси, неси! — говорит пан десятнику. — А ты свое дело делай, коли беды не хочешь нажать.

Понесла дитя через поле домой. Долго еще, долго слышала Горпина детский плач жалобный да болезненный; потом все тише, тише, наконец совсем затихло.

III

Как уж она работала весь день этот, один господь знает. Вечером прибежала домой — едва дышит, даже дух у ней захватывает.

— Дитя мое! Дочечка! Приглядели ли вы за нею, батюшка? Скажите, что с ней, как?

— Да полно тебе убиваться, дочка! — говорит старый свекор. — Благодарение господу, поутихла немного.

Ненадолго она утихла: ночью опять проснулась, да еще пуще стала мучиться, даже горит вся. Советовалась Горпина с бабами — ничего они ей путного не посоветовали; ребенку не полегчило.

А тут уж и заря занимается, надо опять на панцину идти.

Вспомнилось Горпине, слышала она когда-то, что если дитя не спит, то надо настоять маковые головки на молоке, да и напоить его тем настоем. Так она и сделала. «Пусть хоть отдохнет, не мучится!» — думает она. Напоила — дитя утихло и засыпать стало, да так крепко заснуло, что и не вздрогнуло, когда десятник во весь голос крикнул в окно: «*На панцину!*»

Положила Горпина дочку в люльку, перекрестила ее, заплакала, да и пошла. Как там на работе ее ни донимали, ни допекали — не слушает она ничего; одна мысль в голове: как бы поскорей вечера дожждаться! Перемучилась она день. Вот и солнышко за синюю гору закатилось, вот уже и вечер... бежит она, бежит... Вбежала в хату. Все в ней тихо и темно. Она к люльке, к дитяти. Дитя лежит холодное, недвижимое, не дышит.

IV

— Батюшка! — крикнула она не своим голосом.

— А что ты, дочка, меня пугаешь? Я было задремал. Малютка наша и до сей поры спит.

Горпина слова не вымолвила, обхватила дочку руками, так и замерла. Старик опять задремал.

— Огня! Огня дайте! — крикнула опять Горпина. — Батюшка! Огня! Посветите!

Старик вырубил огня. «Что это с ней такое?» — думает он, да как засветил и глянул, то так и остался на месте как вкопанный.

Стоит посреди хаты Горпина, даже почернела вся и глядит так страшно; а на руках у ней дитя мертвое.

— Дочка! — проговорил старик. — Дочка!

— А что? — отвечает она. — Видишь, как помогло лекарство! Затихло мое дитя, не кричит, голоса не подает!

Да как заплачет вдруг, как завопит! Где у ней и слезы-то взялись! Так и льются-льются ручьем.

Прослышали люди про ее беду, прибежали, стали ее уговаривать; а она словно не слышит, и оторвать ее от ребенка нельзя.

Муж сам не свой ходит, свекор даже занемог.

Стали готовить похороны. Вот уже и новенький гробик принесли, пахучими цветами, травами его усыпали.

— Горпина, — говорят, — дай дитя!

Не дала. Сама убрала его и положила.

Время уж и нести, а она все стоит, глядит. Люди с ней заговаривают — она не слышит, не слушается их. Как-то ее отвели, взяли и понесли гробик. Оглянувшись она тогда в первый раз, перекрестилась и пошла сама. Куда люди пошли, за ними и она поплелась следом, за гробиком; идет, словечка не вымолвит, слезы не уронит. И в церкви всю службу достояла, и будто спокойна была, да только как стали дитя хоронить... боже мой милостивый! как бросится она за ним в яму!.. Едва выхватить ее успели и принесли домой, как неживую.

V

Болела она тяжело недели три. Однако господь ее помиловал, возвратил ей здоровье, да рассудок не воротился. Стала она словно не в своем уме. Целый день божий ходит молча да мак в огороде собирает, а спросят ее, на что это она делает: «А это, — говорит, — для моего дитяти!»

Зимой все плачет: «Нету маковок! Чем мне дочку мою спасти?»

А только первая маковка закраснеет, она увидит прежде всех, сорвет и все любитесь ею, не натежится.

В другое время она еще работает кое-как; а зацветет мак по огородам — и хату покинет и уж не вый-

дет из маку. Бывало идешь огородами и видишь: меж маком махровым сидит она в белой сорочке, разряженная, в коралловом монисте и сама еще молоденькая, только белая-белая, без кровинки в лице, — сидит, пересыпается маковым цветом и усмехается, как дитя... А мак — алый, белый и лиловый — пышно цветет и красуется вокруг нее.

